

Наследство Марии Мироновой

Лит. газета. - 1998, - 11 нояб. - с. 12

Печально минул год...

Татьяна ЕГОРОВА

Открываю калитку и думаю: "Зачем мы пришли в этот мир?" Вот и сад! В глубине его виднеется небольшой одностаянный дом. Он так напоминает декорации из сказки "Синяя птица"! Оконные рамы, выкрашенные в красный цвет. Фонарики. Красиво уложенные большими камнями на месте фундамента, поросшие мхом. Дверь на террасу тоже красная.

Здесь жили артисты - Мария Миронова, Александр Менакер, Андрей Миронов. Дом и сад - это созданная ими форма счастья на земле. В детстве каждый ребенок рисует домик, дерево и солнце. Эта идея космически заложена в сознании каждого человека. И осуществление мечты - строительство дома - это строительство миниатюрной Вселенной, и оно сильно меняет внутренний строй человека.

Дом построен почти пятьдесят лет тому назад. Миронова и Менакер - блистательный эстрадный дуэт, изображающий вечно ссорящихся мужа и жену. Взрывы смеха, поклонники и поклонницы, ошеломляющая популярность.

Сын Андрей. Сначала любимый, потом талантливый и потом сверхзнаменитый. Дом - это душа человека. Устройство его, каждый предмет неслучайны, вместе с ними можно совершить путешествие по таинственным закоулкам внутренней жизни. Зачем мы пришли в этот мир? Какой сужден нам путь? И что мы после себя оставляем?

Казалось, что Мария Владимировна знает ответы на все три вопроса. Мария Миронова с раннего детства знала, что пришла в этот мир, чтобы стать артисткой. И знаменитой! Когда ребенком ее повели в театр на "Синюю птицу", она едва усидела в кресле. Так ей хотелось бежать на сцену и играть! Всех! Сахар, Хлеб, Воду, Тильтиль, Митиль. Она говорила: если что-то мешало ей в достижении цели, она немедленно устраняла эту помеху. Играть, только играть на сцене - императив всей ее жизни.

"Красное люблю только в доме, в одежде никогда". В этой веселой и озорной кухне на стенах 30 расписных досок. Вот доска - солдат в царской форме с ружьем, рядом - жена с большой поварешкой в руке. За хвост они держат большой репчатый лук, и надписи: "Лук - добро в бою и в щях". Тут и птица Сирий, которая обязательно должна принести счастье; и дед и баба, что у самовара пьют чай... И везде пары, пары, застолья... На столе изобилие, расписные самовары, доски с яркими цветами и спелыми вишнями. Часы-кукушка - это обязательно.

У Марии Владимировны были государственный ум и детская душа. Этой детскостью, этой пристрастностью к народным, простым и счастливым изображениям она как будто притягивала в свою судьбу радость, изобилие, семейное счастье. Притягивала, привораживала. И приворожила.

Менакер Александр Семенович, который был очень знаменит в Ленинграде в конце 30-х годов - у него был "Голубой джаз", он великолепно пел, виртуозно играл на рояле, выступал с музыкальными фельетонами, был прекрасно образован, - влюбился в Машу Миронову и... подарил ей всю свою жизнь. Через очень много лет после трагических испытаний она скажет и будет повторять, как молитву: "Саша был художественным руководителем всей моей жизни". Не так давно в старых га-

зетах я нашла телеграмму 1979 г.: "Дорогая Маша, поздравляю с нашей годовщиной. Саша". Отдала Марии Владимировне. Она взяла, задумалась и говорит: "Это было в 1939 году в Ростове-на-Дону. Наша встреча - 20 июля. С тех пор Саша всегда присылал телеграммы, если его не было рядом. Уже больше сорока лет".

А это - большая комната, если про нее можно так сказать. Сколько здесь было радости, веселья, встреч Нового года: свечи, бенгальские огни, шампанское. Какие талантливые люди приезжали на эту маленькую дачку, которую в поселке в шутку называли "бензоколонкой". Пианолу, которую Александр Семенович привез из Германии, терзали все кому не лень. "Любовь не картошка, не брошишь в окошко", - в залихватском исполнении Андрея... В этой "зале" Андрей до исступления репетировал роль Фигаро. Тут же вдохновенно читал "Желание славы": "Желаю славы я, чтоб именем моим твой слух был поражен всечасно..." И слава не замедлила явиться. Потом он заплатил за эту "встречу" жизнью.

Пятилитровая бутылка рябиновой водки, настоящая Марией Владимировной, опустошалась в мгновение ока толпой молодых, беспечных, бессовестных людей. Бессовестных потому, что, осушив эту бутылку, они и не думали наполнить ее опять водкой, а заливали просто водой из-под крана. В полной уверенности, что строгая Мария Владимировна, которую все боялись, этого не заметит. Эта легкомысленная бессовестность была диагнозом счастья молодости. "Молодость - это самый скоропортящийся продукт", - скажет в конце жизни Мария Владимировна.

Любить Марию Владимировну было очень трудно, а не любить - невозможно. Жесткая, колючая, подозрительная, проницательная, скупая. Полностью забронированная - защитная реакция. Боялась нелюбви и боли. Как-то рассказала ей уже после трагической смерти Андрея, рассказала, что, мол, была у Андрюши в театре одевалящица тетя Шурочка, так ее звали. Старенькая, тихая, преданная до конца Андрю. Стирала ему рубашки, чистила одежду. Чай, кофе всегда были на его гримерном столе во время спектакля. Мария Владимировна стала звонить в театр, узнавать, где эта тетя Шурочка. Кто-то сказал - умерла, потом - не умерла, а на пенсии. Тогда Мария Владимировна узнает ее адрес, заказывает машину, едет в магазин и закупает две огромные коробки самых лучших продуктов. В благодарности. За сына. Вот тебе и скупая.

Комната Андрея - шесть метров. Его портрет. Цветы. Теперь тут портреты Александра Семеновича и Марии Владимировны. Горит лампадка. На голых ветках сирени часто сидят сенигири и синицы и все заглядывают в окно, как будто ищут своего веселого, не очень счастливого и диковинного Андрюшу. На стенах две картины углем - каналы Петербурга, работы Льва Збарского, друга Андрея. Что сейчас он там делает, талантливый Лева Збарский, в этой переродной Америке?

А вот и таинственная сторона души актрисы. Галерея портретов Бабы Яги в разных видах. В молодости ее звали - ведьма с голубыми глазами. В гостях однажды, уходя, пожаловалась: "Ноги болят идти". И кто-то посоветовал: "А ты садись, Маша, на метлу и лети". Склонность к тирании была весьма заметна в ее характере. Особенно это чувствовали близкие. И сочеталось в ней несочетаемое... Без четверти девять в передаче для малышей она совершенно серьезно пела

вместе с телевизором: "Спят усталые игрушки, мишки спят, одеяла и подушки ждут ребят..."

А вот блокнот с численником. 34 года лежит он на столе. Открылашь страничку, а там надпись: "Дарю Машеньке! Не забывай только передвигать красную штучку (это календарь) назло Менакеру. С фестивалем приветом М. Гаркави. 1963 г. Нижний Новгород". Это память о выдающемся конферансье Михаиле Гаркави, который впервые на сцену Колонного зала Дома союзов вывел семнадцатилетнюю Машу Миронову в объятия Удачи и Успеха со словами: "Маша, прошу!" С тех пор Машу "просили" 71 год. А десятую годовщину свадьбы с Менакером отмечали на ступенях Исакиевского собора ночью, после спектакля. Накрыли из ресторана "Астория" - белая накрахмаленная скатерть, а все остальное добавит воображение. Приглашенных было двое - Михаил Гаркави и Лидия Русланова.

А вот бокал... Было два, один разбился. Это подарок Николая Эрдмана, замечательного драматурга.

А вот тут, на камине, целая стая черных котов. Они тоже должны были приносить счастье и охранять. Да не охранили. И жизнь сложилась, как молнией ударенное дерево. И наступило одиночество - без мужа, без сына, без никого... Ни единой слезы, ни жалости к себе, только сосредоточенная работа сознания: "Почему?"

Самое большое искусство, которым овладела Мария Владимировна, - это искусство жить. Вот висит календарь за 1996 год. Театр "Школа Современной Пьесы". Премьера. Изображены Мария Владимировна и Михаил Глузский. Тогда ей было 85 лет.

Лишь избранный Творцом,
Исполненный Господней
благодати,
Как радуга, что блещет лишь
в закате,

Зажжется пред концом.

И судьба после страшных испытаний озарилась всеми цветами радуги. Миронову в 78 лет пригласил в театр Олег Табаков. Там она сыграла несколько ролей, исколесила с театром на автобусе всю Америку. И в день ее 80-летия, 7 января, Табаков по-гусарски заехал за ней на тройке лошадей с санями и под пушистым снегом через всю Москву прокатил ее до самых дверей театра, где ее ждал банкет.

А это спальня. Иконы, всегда зажженная лампадка. Распятие. Пе-

тухи, матрешки, разные деревянные расписные коробочки. Вдруг спрошу: "А что в этой коробочке?" "Грехи собираю", - ответ. Смотрю на нее: мужественная маленькая женщина, скала с душой ребенка. Такие обиденные роли - и такая необыкновенная жизнь. На сцене - Дуся, Клава, некая Капа, а вне сцены... Знала наизусть всего "Евгения Онегина", любила на кухне читать Некрасова, петь - "Утро красит нежным светом стены древнего Кремля..."

Бог спас ее. Черные коты не спасли и не защитили, а Бог спас. Однажды я приехала на дачу, которую она любила, как живое существо, со всей силой своей страсти. Смеркалось. Дверь была приоткрыта. Я тихонько вошла. Смотрю: сидит в своем кресле. Тишина. Сумерки. И смотрит... если сказать вдале - ничего не сказать. В галактику, в бесконечность. Ощущение было, что она выпала из времени - это был истинный, ее настоящий монолог, о котором нельзя говорить, можно только молчать.

Она и Менакер повесила на тесемочке на спинку кровати два маленьких образа - Спасителя и Николая Чудотворца.

А вот картина маслом, тревожная. Застроенные высокие красные башни отражаются в воде. Это Рига. В тот год Мария Владимировна отдыхала в Яункемери. Андрей жил там же и ездил на спектакли в Ригу. Утром 14 августа играл в теннис, принял душ и поехал.

А я, - рассказывала Мария Владимировна, - хожу по берегу моря, в меня вцепились навязчиво мелодия, и я напеваю: "Жена найдется другого мужа, а мать сыночка - никогда!" Вечером сообщили: "Андрей в больнице, недоиграл спектакль".

Вот картина - называется "Венок сыну". Это глина шамот. Деревенская изба, сидит старушка мать. У нее погиб сын. На коленях - венок. В окно смотрит с такой тоской!

Это - я! - говорит Мария Владимировна. - Вообще-то лютое одиночество. Одна. Совсем одна. Мария Владимировна, - говорю я с легкой интонацией, снимая напряженность, - одиночества нет. Всегда рядом ангел-хранитель.

Она пристально смотрит на меня, как врач на пациента, и весомо произносит: "Но он же не пойдет за хлебом!"

"Когда строили этот дом, по полгода работали на Дальнем Востоке. Ставка 17 р. 50 коп. Не хватало денег на новые рамы. Пришлось вставлять старые, из друго-

го дома. Я три формации пережила - царя, Советскую власть и демократию. Страшное время было - гражданская война. После изобилия в нашем доме (Пасхи, запахи гиацинтов, чудные крашеные яйца) - голод, разруха. Стакан морковного чая и маленький кусочек клейкого хлеба в день. Тогда я училась в гимназии. Любимым занятием было съезжать вниз по перилам... у меня были одни-единственные чулки. Я их сама штопала, каждый день стирала и сушила утюгом. Да-а-а-а... А теперь мне пишут письма: "Москва, Кремль, Мироновой". Просят, чтобы я помогла шахтерам, учителям, колхозникам. У-у, народ! Сами должны себе помогать, а то все держатся хвостом за ветку - не оторвать".

А вот любимое место Марии Владимировны - открытая веранда. Давно, бывало, и Андрюша сидел здесь в кресле, и у него на коленях копошились три маленьких щенка. А теперь в Санкт-Петербурге открылся Театр имени Андрея Миронова. Мария Владимировна присутствовала на открытии, и для нее это было важное и волнующее событие. Зал был переполнен, и, когда включилась песня Андрея "Падает снег", плакали все: оттого, что не может быть, что его нет. В Царском Селе ее узнавали все музейные работники, а встречные дамы кидались целовать руки. Она резко отдергивала их и патетически изрекала: "Я же не священник!"

Последняя Пасха - апрель 1997 г. В половине двенадцатого ночи с трудом встала, оделась и пошла. В близлежащую, недавно открывшуюся церковь. Ей сразу поставили стул. Молодые парни, девушки, дети, горящие свечи, "Воистину Воскресе!". Она чувствовала, что следующей Пасхи для нее не будет... В глазах стояли слезы. "Господи, что стало с Россией? Какая бедная церковь!" - и ком в горле.

Веранда. Перед верандой сад. Вот здесь она сидела часами одна и думала.

О чем вы думаете? - вдруг спрошу я.

- А вам какое дело?

- Почему какое дело?

- По кочану.

А потом тихо: "Не надо сад вырубать, деревья... Ведь когда мы построились, здесь ничего не было. Все посадила я сама. Елки, березу, и рябину, и липу... сирень, жасмин, черемуха, яблони. Я тридцать ведр таскала под каждую яблоню - руки немели. Это были все прутики, а теперь, чтобы увидеть верхушки голубых елок, надо задрать голову, да как! А яблони, - продолжает Мария Владимировна, - такие высокие, такие старые... как я, ведь любят меня, стараются, плодоносят. Ждут каждую весну. В прошлом году треснула яблоня перед домом и огромная ветка упала на крышу. Рану залечили, замазали, а в благодарность сколько принесла она яблочек. А есть совсем сломанная, осталась ветка, я ее перебинтовала - и та родит, хоть три яблочка в год, а родит... Помнит добро, старается. Сойдет снег, расцветут разноцветные примулы, земля покроется незабудками - сад будет меня ждать. В каждом дереве, в каждом кустике - моя душа. Ах, мои яблони, яблони... придет время, когда выйдет ваш срок - перестанете цвести и давать плоды... но пока будем стараться вместе... прожить хоть еще одну весну, постараемся... хоть еще одну весну!"

В Библии в главе "Исаия" люди вопрошают:

"Сторож! Сколько ночи?"

Сторож отвечает: "Еще ночь, но приближается утро."

Если вы действительно спрашиваете, то обратитесь и приходите".

А я добавлю: приходите, чтобы уйти, оставив после себя на земле только одну любовь.